

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ДИАЛОГА В «ЁДДОШТҲО» С. АЙНИ

Неъматзода Мукаддас Хабиб, кандидат филологических наук, доцент,
декан инженерно-педагогического факультета Джабборрасуловского района
ГОО «Худжандский государственный университет имени
академика Б. Гафурова»

***Аннотация:** Исследуются три структурные модели диалога в «ЁддоштҲо (Воспоминаниях)» С. Айни: вопрос-ответ, приказ/просьба, протест. Анализируются функции каждой модели в создании характеристик персонажей и отражении социальной иерархии*

***Ключевые слова:** Садрриддин Айни, структура диалога, вопросо-ответная модель, таджикская проза*

STRUCTURAL MODELS OF DIALOGUE IN *YODDOSHT-HO* BY S. AYNI

***Abstract:** Three structural dialogue models in S. Aini's "Reminiscences" are examined: question-answer, command/request, protest. Functions of each model in character creation and social hierarchy reflection are analyzed.*

***Keywords:** Sadriddin Aini, dialogue structure, question-answer model, Tajik prose*

Современные исследования художественного текста всё более активно обращаются к анализу живой разговорной речи персонажей как важнейшего средства создания художественного мира [1; 2]. В прозе Садрриддина Айни данный речевой слой играет особую роль, поскольку через него писатель формирует модель нового литературного языка [3]. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью комплексного анализа диалогических структур в произведениях Айни [2; 3; 4].

Диалоги в «Воспоминаниях» Садрриддина Айни выполняют двойную функцию: они не только двигают сюжет, но и служат главным средством социальной и психологической характеристики персонажей. Через речь героев автор создаёт яркую картину феодального таджикского общества с его сословной иерархией, системой ценностей и человеческими драмами [3].

Типология диалогов у Айни основывается на трёх главных моделях: 1) вопрос-ответ; 2) приказ/просьба; 3) протест.

Модель «вопрос-ответ» является самой частотной и создаёт естественность речи. Отец допрашивает сына короткими отрывистыми вопросами: «– **Ин аз чист? – гуфта пурсид. – Аз чӣ? – Бо кӣ? – Бо**

акамулло» [5, с. 11]. Эта стаккато-манера демонстрирует педантизм и требовательность отца, каждый вопрос – проверка, контроль.

Иная функция вопросо-ответной структуры проявляется в сцене, где имам допрашивает сироту: «– **Вақте ки бой туро ба дастёрии худ гирифта буданд, ба ту ҳар сол чӣ қадар ваъда карда буданд? – Ҳеч ваъда накарда буданд, фақат туро домод мекунам гуфта буданд. – Домодкунӣ ҳақ намешавад. Ҳар сол музди хизмат аз мол ё пул чӣ ваъда карда буданд? – Ҳеч чиз ваъда накардаанд**» [5, с. 33]. Здесь имам ведёт юридический допрос-ловушку, загоняя сироту к нужному выводу через серию вопросов.

Когда мать спрашивает об отце: «– **Магар чархҳо фурӯш нашуданд? – Фурӯш шуданд, ду дарахти гучум ҳам харида ғалтонда ба андозаи чарх бурида мондам. – Худо накарда, магар дар мизочатон гаронӣ доред, ки ин қадар пажмурда ва ғамгин менамояд? – Ин гаронӣ дар ман аз мизочам не, балки аз аҳволи тумани Шофирком омад**» [5, с. 50-51], – её заботливые вопросы пытаются выяснить причину угнетённого состояния мужа.

Ҳабиба использует вопросы педагогически: «– **Ба худат кадомаш нағз менамояд – гулобиаш ё сафедаш? – Гулобиаш! – Чаро? – Сабабашро намедонам, ба назарам нағз менамояд**» [5, с. 61-62], обучая мальчика эстетическому восприятию. Отец через вопрос выводит причину поведения собаки: «– **Хайбар аз ту ранчидааст, сабабаш чӣ бошад?**» [5, с. 40-41], демонстрируя понимание психологии животных.

Модель приказа и просьбы характерна для иерархических отношений. Мастер-халвогар обращается к детям кратко, без церемоний: «– **Инро ба падарат бар! – гуфт устои халвогар. – Инро хӯрда-хӯрда**

раветон!» [5, с. 20]. Его речь – это речь человека дела, привыкшего отдавать распоряжения подмастерьям.

Отец даёт развёрнутое распоряжение жене: «– **Зудтар самовор монда чой дам кун ва аз даруни хӯрчин гӯштро гирифта саришта кун, ки гурба набарад**» [5, с. 24], указывая последовательность действий и предупреждая об осторожности. Косвенное распоряжение через третье лицо звучит так: «**Падарам ба модарам фармуд, ки ӯ ҳам ба Хайбар нон диҳад**» [5, с. 41].

Мягкое требование с объяснением цели: «**Фақат ҳар шаб маро таъкид мекард, ки дарсҳоямро шарросӣ аз ёд кунам, то ки фардо ба пеши домулло шарманда нашавам**» [5, с. 69]. Хабиба поручает принести цветы в форме, балансирующей между просьбой и приказом: «– **Дар хонахотон гул ҳаст? – Ҳаст! – Ба ман пагоҳонӣ як дона гули навшукуфтаи хушбӯӣ биёр!**» [5, с. 61], что характеризует её натуру.

Модель протеста проявляется в разных формах. Детский протест звучит экспрессивно: «– **Бо ҳамин риши сафед, охир шумо маро фиреб додед!**» [5, с. 13], где обращение к физической детали («седая борода») усиливает обвинение в предательстве.

Сирота протестует риторическим вопросом с угрозой религиозными последствиями: «– **Магар ҳақи 12-сола хизмати ман ним чувол гандум мешавад? Шумо бо ин кор мехоҳед, ки зани ҳалоли худро ба худ ҳаром гардонед?**» [5, с. 33].

Хабиба отвечает на нежелательное сватовство невербальным протестом: «– **Ана ҳамин кафшро бурда ба даҳони нависандаи ин хат зан ва «чавоби хататон ҳамин будааст» гӯй!**» [5, с. 64] – башмак в навозе как предельная форма презрения.

Кутбия угрожает: «Ту ҳоло нигоҳ карда ист, ин коратро ба модарам мегӯям, туро чунон зананд, ки падарат харгиз туро ончунон назада бошад. Ачаб нест, ки туро ба ин корат аз мактаб ҳам пеш кунанд» [5, с. 60-61], пытаюсь контролировать через страх.

Саркастический протест Ҳабибы звучит как парадокс: «**Ҳабиба дар ҷавоби ин суханони ӯ «кошкӣ пеш кунанд» гӯён оҳе мекашид ва ин сухани ӯ ба назари кас на шухӣ, балки ҷиддӣ барин менамуд**» [5, с. 61] – желание быть исключённой как вызов системе.

Типология диалогов у Айни создаёт естественность речи и служит главным средством характеристики персонажей, отражая социальную структуру феодального таджикского общества через речевые модели различных социальных групп.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. 615 с.
2. Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова. Л., 1971. 462 с.
3. Нематова М. Х. Народно-разговорный язык в таджикской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010. 151 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
5. Энциклопедияи насри муосири тоҷик. С. Айни. Ёддоштҳо. Душанбе, 2009. 680 саҳ.